

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В. П. АСТАФЬЕВА

Сысоева Н.А.

научный руководитель д-р филол. наук Фельде О.В.

ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Как известно, единицами прагматического уровня является прецедентный текст и прецедентный знак. Эти единицы позволяют судить о ценностной картине мира личности. *Объектом* настоящего исследования являются прецедентные имена и прецедентные тексты в дискурсе языковой личности В.П. Астафьева. Их анализ имеет большое значение для исследования мировоззрения, картины мира писателя, прагматического уровня его языковой личности. В задачи входит выявление способов ввода прецедентных имен и прецедентных текстов в эпистолярном наследии В.П. Астафьева. *Новизна исследования* определяется тем, что данные прецедентные имена и тексты в дискурсе языковой личности В.П. Астафьева впервые становятся объектом исследования.

В ходе работы было установлено, что прецедентные имена и прецедентные тексты в дискурсе В.П. Астафьева выявляют глубинные свойства его языковой личности, обусловленные целями, мотивами, ситуационными интенциями. В.П. Астафьев использует различные способы ввода прецедентных имен и прецедентных текстов в ткань своих писем:

А. Точный фрагмент текста (цитата): «*Я Вас любил так искренно, так нежно, как дай Вам Бог любимой быть другим*» (Письмо (адресат не установлен) от 16 сентября 1996 г.); «*И все цветы, живые, не из жести, придите и отдайте мне теперь*» (Письмо Макарову от 25 апреля 1967 г.); *Мда-а, «были люди в наше время!..»* (Письмо Макарову от 1965 г.); «*Его пример другим наука!*» (Письмо Колыхалову от 16 апреля 1969 г.); «*Вам не понять моей печали*» (Письмо Акулову от декабря 1977 г.).

Б. Номинативный способ, под которым мы понимаем ввод прецедентных имён персонажей или авторов широко известных, значимых в социокультурном отношении текстов. Актуализатором номинативного способа является аллюзия (намёк), которая может быть выражена в таких формах, как (1) прецедентное имя (персонажа, автора), например: *Больших Вам ролей и удач, таких, как гоголевский Поприщин – он меня потряс* (Письмо Лебедеву от 1974 г.); *А раз придумывается труд, надо и людей придумывать, и не случайно такое яростное, просто оголтелое сопротивление встретила Матрена солженицынская* (Письмо Борщаговскому от 1968 г.); *...жена моя побывала бы черт знает где, скорей всего, дальше ещё, чем Теркин Вася* (Письмо Борщаговскому от 8 сентября 1964 г.); *Но самым великим, самым моим любимым, моим богом является все же Достоевский* (Письмо Борщаговскому от 4 июня 1963); *Вы же русский человек, и в Достоевском вся наша боль, все наши муки, все наши слабости и наше величие, и потому он до боли близок всем нам* (Письмо Борщаговскому от 4 июня 1963); *Пьеса то хлипкая, и люди, как все у Чехова – хлипкие* (Письмо жене и детям от 1960 г.); *Все заросло репьем и быльем, как в рассказах Бунина...* (Письмо Макарову от 29 октября 1962 г.); *Случилось со мною главное, мне захотелось перечитать всего Чехова и полюбить его так же, как любите Вы* (Письмо Макарову от 13 января 1967 г.); *Ну что ж, почитаю старых грешников – Бунина, Цвейга, Толстого – поучусь ещё у них, авось помогут старику...* (Письмо Макарову от 23 января 1967 г.); *Было время, когда у нас все творчество Достоевского считалось ошибочным, узнавать Сергея Есенина людей вынуждали подпольно, по альбомчикам и блатным песням, а за книгу Джона Рида сажали в тюрьму* (Письмо Бахметьеву от 15

августа 1960 г.); *Сегодня прочел Солженицына в «Новом мире». Потрясен. Радуюсь. За литературу нашу радуюсь, за народ наш талантливый и терпеливый* (Письмо Макарову от 1962 г.); *Вон Рождественский уже метрами стихи выдает* (Письмо Макарову от 1963 г.); *Вон у меня на полке стоит двести книг из серии «Жизнь замечательных людей», стоят сочинения титанов! – Толстого, Достоевского, Бальзака и многих, многих страдальцев «за будущее», за человека* (Письмо (адресат не установлен) от 1964 г.); *Начал читать Булгакова. Ну и ехидный же мужик! И талантище тоже! Ей богу, обаятельнейший писатель* (Письмо Макарову от 20-23 января 1967 г.); *Даже богатырь Толстой, умеющий так хорошо отдыхать, жаловался, что он после каждой книги чувствует себя вконец разбитым, правда, он не чета нам...* (Письмо от 6 декабря 1973 г.); *Горький много говаривал, что надо много знать, многому научиться, чтобы получить право не учить, а лишь осторожно подсказывать* (Письмо Чацкому от 5 июля 1959 г.); *Я и видел-то его один лишь раз, и говорил с ним минуты три, не более, а обогрел он меня, как русская печка, у которой тепло утреннее, долгостойкое, и от него, как от доброго лекарства, проходят болезни костяные и насморки всякие. (Во завернул, а!? Твардовский – русская печь!...* (Письмо Макарову от 1965 г.); *Читаю Ричарда Олдингтона. Впервые читаю. Очень хороший и честный писатель* (Письмо Макарову от 25 апреля 1967 г.). Узнавание прецедентного текста осуществляется также благодаря таким языковым средствам, как (2) заглавие произведения: А *«Мертвые души», говорят, восхитительны* (Письмо жене от 1961 г.); *«...одна книга в моем зрелом уже возрасте произвела на меня ошеломляющее действие – это маленький, но великий роман «Джонни получил винтовку»* (Письмо Михайлову от 25 декабря 1995 г.); *Есть великая книга «Тихий Дон»...* (Письмо Хомякову от 4 марта 1996 г.); *Дочитал я «Мастера и Маргариту»* (Письмо Макарову от 1967 г.); *...особенно «Матренин двор», - убедило меня в том, что Солженицын – дарование большое, редкостное...* (Письмо в СП СССР от 1970 г.); *Никогда не видевший его живым, знавший только по его произведениям, с детства преданно любивший, особенно «Разгром», был я ошеломлен этой смертью* (Письмо в СП СССР от 1970 г.); *Я посмотрел «Ромео и Джульетту» не так давно. Шедевр* (Письмо Войтецкому от 23 апреля 1973 г.); (3) ссылка на авторитет как способ аргументации, например: *Написал произведение (роман «Прокляты и убиты»), какого в нашей литературе еще не было, а вот в американской подобное есть, и они в главном перекликаются – это роман Трамбо «Джонни получил винтовку»...* (Письмо Гашеву от 26 июля 1994 г.).

В. Ещё один достаточно специфический прецедентный текст, который можно выделить в переписке В.П. Астафьева – это *анекдот*. Цель анекдота – высветить, актуализировать узлы разговора, представить наиболее убедительно, рельефно, выпукло многие его аспекты. Отсылки к анекдотам выполняют в дружеской переписке и иную функцию. Это введение чужого слова, то есть взгляд извне, часто позволяющий снять неловкость, напряженность, излишнюю формальность. Именно иронический взгляд с точки зрения анекдота позволяет снизить ситуацию, высмеять ее, и тем самым снять ее трагизм. Например: *Что касается секретариата нашего Союза, то невольно вспоминается анекдот: «Мама! Письмо, в котором ты просишь денег, я до сих пор не получил», - не хотели там расширения скандала и огласки, шуму лишнего не желали* (Письмо в СП СССР от 1970 г.).

Таким образом, прецедентные тексты и прецедентные знаки в дискурсе языковой личности В.П. Астафьева усиливают ценностную составляющую, отражают интеллектуальный, творческий потенциал, особенности эстетического восприятия и эстетического вкуса. Удачное использование прецедентного имени и прецедентного текста – мощное средство воздействия на адресата, способ преобразования картины мира в его сознании.